

Джанни Родари

Пигалица

Жила-была в городе Гаверате одна женщина, такая маленькая, такая щупленькая, что никто не звал ее иначе, как Пигалица. Целыми днями она только и делала, что считала, кто сколько раз чихнул. Считала, а потом рассказывала о своих подсчетах подружкам, и они все вместе принимались судачить об этом до тех пор, пока у них не темнело в глазах.

– А вот аптекарь, – рассказывала Пигалица, – семь раз подряд чихнул.

– Не может быть!

– Да господи! Да пусть у меня, нос отвалится, если это не истинная правда! В седьмой раз он чихнул аккурат за пять минут до полудня.

Судачили, судачили и под конец решили, что аптекарь разбавляет касторку сырой водой.

– А священник-то наш четырнадцать раз чихнул! – сообщала красная от волнения Пигалица.

– А ты не того, не ошиблась?

– Да господи! Да пусть у меня нос отвалится, если хоть на один раз меньше!

– До чего же мы так докатимся!

Судачили, судачили и под конец решили, что священник наливает в салат слишком много масла.

Однажды Пигалица со своими подружками – а собралось их если не дюжина и не полдюжины, так уж, во всяком случае, больше, чем дней в неделе, – притаились под окном у синьора Делио. Притаились они и слушают. А синьору Делио совсем не хотелось чихать, потому что он никогда не нюхал табаку и еще не успел простудиться.

– Поди ж ты! Не чихает! – не выдержала Пигалица. – Нет, как хотите, а здесь что-то не чисто.

– Ясное дело, – подхватили подружки.

Услышал этот разговор синьор Делио, набрал в спринцовку целую пригоршню молотого перца и незаметно выпустил его на голо сплетницам, которые притаились у него под окном. Первой чихнула Пигалица:

– Апчихи!

А за ней и все остальные:

– Апчихи! Апчихи! Апчихи!

Чихали, чихали, чихали, чихали, еле остановились.

– Я больше вас чихнула, – сказала Пигалица.

– Нет, мы больше! – возразили ее подружки.

Спорили, спорили, а под конец бросились друг на друга, вцепились в волосы и ну тузить одна другую по чем попало. И так-то они слав но друг друга отделали – любо-дорого посмотреть: платья – в клочья и у каждой стало на один зуб меньше.

С той поры Пигалица перестала разговаривать со своими подружками. Она купила себе записную книжку, карандаш и стала бродить по городу одна-одинешенька. Как услышит, кто чихнул, сразу – в книжку крестик. Чихнет еще кто-нибудь – еще крестик.

Когда она умерла, люди нашли ее записную книжку. Открыли эту книжку, а в ней видимо-невидимо крестиков.

– Смотрите-ка, – сказали люди, – это она, должно быть, свои добрые дела отмечала. Сколько же их у нее, батюшки! Ну, уж если ее в рай не возьмут – значит, никому туда не попасть.